

исторического периода, и основополагающее мнение славянофилов, предположение, что «можно жаловаться на Мир ... крестьянскому суду той же волости есть уже ... полнейшая нелепость...»³.

Действительно: привычное обсуждение деревенских случаев на миру, на сходке, с соседями – сотни лет общинной жизни крестьянина строились на этих основаниях, ведь «мир всему голова». И вот сразу после отмены крепостного права – находились такие единицы, кто не был согласен с вековыми традициями решения соседями или мирской сходкой и обращался с жалобой в волость.

Следовательно, это жалоба на мир или соседей, попытка утвердить над мнением коллективным, общественным, свой личный интерес, признание его приоритетного значения. Только одно это требует от нас определить 60-70-е гг. XIX в. как время, когда в русской деревне медленно, но шли громадной важности перемены не только в экономической сфере. Факт обращения в волостной суд недавних крепостных есть показатель глобальных изменений в правосознании крестьян, признании ими роли и значения права, понятными носителями которого являются хотя и близкие, свои по культуре, но из всей волости, не соседи по обществу или селу.

Примечания

¹ Тарабанова Т.А. Состав волостных судов // Вестник Московского университета. Серия 8. 1993. № 2; Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11-12; ее же. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000; Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX - XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; Безгин В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX - начало XX вв.). Тамбов, 2000 и др.

² ГАЛО. Ф. 206, 245.

³ Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг, 1861. С.104.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

**Шаповалов Владимир Анатольевич
Шаповалова Светлана Петровна**

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается проблема эволюции социальной психологии поместного дворянства под воздействием либерализации межсословных отношений в ходе реализации Великих реформ 1860-1870-х гг. Особое внимание уделено психологическим аспектам взаимодействия поместного дворянства, купечества и крестьянства.

Ключевые слова: поместное дворянство, социальная психология, по-реформенный период.

The article deals with the problem of the landed gentry's social psychology evolution under the influence of inter-estate relations liberalization in the course of the Great Reforms realization in 1860-1870th. Special attention is devoted to the psychological aspects of interaction between the landed gentry, the merchants and the peasantry.

Key words: landed gentry, social psychology, post-reform period.

Реформа 19 февраля 1861 г. ставила помещика в сложную психологическую ситуацию. Во-первых, не смотря на временнообязанный период, помещик уже перестал быть полновластным господином бывших своих крепостных крестьян. А ведь весь его жизненный уклад строился на почти безраздельном господстве и эксплуатации крестьян. Весь микромир помещика, представленный границами поместья, замыкался в структуре – «Я» и «Они», то есть крестьяне. Следовательно, пусть даже и отдаленная перспектива полной утраты контроля над бывшими крепостными не давала психологически четкой перспективы дальнейшей хозяйственной деятельности. Тем более, навыков самостоятельной хозяйственной деятельности у большинства помещиков не было, как не было в достаточном количестве собственных производственных средств.

Еще недавно стремление увеличить число душ доминировало над попытками повысить доходность имения путем рационального землепользования. Отмена же крепостного права не только лишала их этой возможности, но и требовала обязательного предоставления помещиками в постоянное пользование крестьянам «усадебной оседлости», а также полевых наделов «для обеспечения их быта и выполнения их обязанностей перед правительством и помещиками». Правда, дворовые, которые в крепостной зависимости выполняли различные обязанности в усадебном доме помещика и на приусадебной территории, теперь, освобожденные без наделов, в усадьбе, как правило оставались. Но хозяин усадьбы не был уже полным владельцем всего имения с угодьями, во многих случаях принадлежавшего с далеких времен его предкам. Для очень многих помещиков это был удар, который следовало пережить, приспособившись к новому образу жизни.¹

Понимая всю неотвратимость нового социального статуса бывших своих крепостных, значительная часть помещиков так и не смогла внутренне согласиться с основными положениями реформы отмены крепостного права. Известный историк русского зарубежья С.Г. Пушкарев, чьи предки имели имение в Корочанском уезде Курской губернии, вспоминал: «При освобождении крестьян в 1861г. была напечатана и разослана толстая тетрадь, содержащая манифест 19 февраля и множество положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Так вот эта тетрадь осталась неразрезанной. Очевидно, дед мой Иван Степанович, не признавая права крестьян быть свободными, был так зол, что не разу не заглянул в сей документ».²

С другой стороны, на уровне бытовых отношений крестьяне открыто демонстрировали помещику свое новое социальное положение свободной личности, что также вызывало внутренний дискомфорт у помещиков. Например, бывшие крепостные крестьяне сразу же после реформы отмены крепостного права нарочито называли друг друга по имени и отчеству с -вичем (Иванович), что позволительно в прежние времена было только дворянству, а бывших помещиков – именем и полуотчеством без слова «сын», именной формулой, характерной для низших сословий.³ Помещик в такой ситуации не мог, в силу сословного традиционализма, быстро выработать новый стереотип взаимоотношений с крестьянами, которые уже не принадлежали ему.

Во-вторых, после реформы, когда земельный фонд превратился в всесословный товар, а крестьяне стали лично свободными, помещик оказался поставленным перед фактом неизбежной капитализации своего хозяйства, то есть превращения в буржуазного предпринимателя. Но чувство сословной исключительности, принадлежности к высшей сословной корпорации не могло исчезнуть в одночасье. Оно генерировалось веками и подпитывалось всей мощью самодержавного института власти. Корпоративное самосознание дворянства требовало и в этой обстановке особых привилегий, хотя в самом проекте реформы их было предостаточно.

Реализация проекта отмены крепостного права позволяла дворянству в период временнообязанного состояния крестьян оставаться еще, пусть и в усеченном виде, в рамках хозяйственного традиционализма. В первую очередь использовать бесплатный труд крестьян. Это и внесло сумятицу в настроения черноземных дворян-помещиков. Полярность экономических воззрений дворянства нашла отражение на страницах прессы. Взгляды консерваторов сводились к следующему: «... На что мне жатвенные машины ваши, выгоню в поле две тысячи баб и мужиков, в три дня и выжато все поле, разные машины, экстирпаторы, скарификаторы, жатвенки, молотилки, зерносушилки, - все это немецкие выдумки. У нас климат другой, к России не идут они, без них обойдемся».⁴ Наиболее дальновидные помещики придерживались совершенно другой позиции в этом отношении «... Давай машины, давай орудия, учи, показывай как нам быть, вызывает ныне к науке испуганное русское земледелие».⁵

Желание значительной части помещиков вести традиционное барщинное хозяйство оказалось нереальным в новой социально-экономической ситуации. Барщинный труд, в силу откровенного хозяйственного саботажа крестьян, стал нерентабельным. В Воронежской губернии в период с 1861 по 1863 гг. на оброк было переведено 46,6 % барщинных крестьян, в Курской губернии – 21,5 %, в следующее трехлетие – еще 25,8 %. К началу 70-х гг. XIX в. в рассматриваемых губерниях на барщине оставалось 30,7 % бывших помещичьих крестьян.⁶

Обращает на себя внимание, что с конца 50-х до конца 60-х гг. XIX в. процент крестьян на барщине сократился с 80,3 до 30,7. За столь короткий срок перемены разительные, учитывая консервативное мышление дворянства.

Поместные владельцы, оказавшись в новых экономических условиях, вынуждены были пересматривать свои хозяйственные представления с учетом рационализации труда и доходности имений. Хозяйственная целесообразность диктовала спектр буржуазной эволюции помещичьей социальной психологии. В отличие же от дореформенного периода уже прослеживалась обратная связь влияния социальной психологии на экономическую деятельность. Осознание невозможности оставаться в рамках старой хозяйственной традиции диктовало необходимость реконструкции поместий. Как следствие данного процесса к концу 80-х гг. XIX в. в дворянских хозяйствах черноземных губерний преобладали уже капиталистические методы ведения хозяйства.⁷ Мышление буржуазного предпринимателя все отчетливее проявлялось через призму критериев хозяйственной деятельности помещного дворянина.

Наравне с влиянием капиталистической перестройки хозяйства, социальная психология помещных владельцев эволюционизировалась в ходе рыночной конъюнктуры на общесословном земельном рынке, где юридически они уже выступали равными контрагентами. Для дворян Черноземного региона земля традиционно ассоциировалась как база их корпоративного благополучия, основа жизнедеятельности. В ходе реформы отмены крепостного права, когда были сняты юридические преграды для перехода дворянской земельной собственности в руки представителей других сословий, представления монополиста на частновладельческом земельном рынке у помещика объективно перестраивались в сторону мировоззрения предпринимателя на земельном рынке. Естественно, дворяне осознавали ценность своих земельных владений, но хозяйственный кризис заставлял их идти на продажу части земель для поддержания или реконструкции поместий. В ходе продажи с конца 70-х гг. до начала XX в. дворяне потеряли 27% своего земельного фонда.

Основным покупателем дворянских земель в начале пореформенного периода стало купеческое сословие. В 1877 г. в Новооскольском уезде Курской губернии одно купеческое владение в 8940 дес. вдвое превышало площадь земель всех 139 дворян этого уезда, имевших до 100 дес., с земельным фондом в 4406 дес.⁸ Взаимоотношения местных дворян с купцами были сложными. Солидные капиталы позволяли купечеству претендовать на место среди местной элиты, но сам факт их незнатного происхождения ставил непреодолимую психологическую грань между ними и дворянством. Именно их столкновение на земельном рынке черноземного региона показывает всю сложность и драматичность эволюции социальной психологии помещного дворянства.

Примечания

1. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. М., 2001. С. 403.
2. Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905-1945. М., 1999. С. 74
3. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 38-39
4. Сельскохозяйственные выставки // Народное богатство. 1862. №8
5. Там же.

6. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовывалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 296.

7. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М. Белгород, 2002. С. 133

8. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880. Вып. I. С. 216

СЪЕЗДЫ ЗЕМСКИХ ВРАЧЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Краснобородько Кирилл Александрович

Курский институт государственной и муниципальной службы

Оформление профессиональных групп интеллигенции способствовало созданию медицинских обществ земских служащих. Проводимые ими съезды содействовали практическому развитию «народного здоровья». Съезды земских врачей сыграли главную роль в организации земской медицины на территории Курской губернии. Благодаря съездам Курское земство в сфере организации здравоохранения находилось в ряде передовых земств.

Ключевые слова: земская медицина, съезды земских врачей, врачи-делегаты, труды съездов земских врачей, план организации медицины, уставы съездов, программа съезда.

The formation of professional intelligence groups has provided the making of medical communities of municipal government personnel. The descents of municipal government doctors played an important role in the organization of this kind of medicine on the territory of the Kursk province. It was the fact that the descents made Kursk municipal government one of the leading in the sphere of public health service organization.

Key-words: municipal government medicine, descents of municipal government doctors, doctors-delegates, works of municipal government doctors' descents, medicine organization plan, statute of descents, descent programmer.

С введением земского самоуправления на территории Курской губернии начался новый этап в развитии данной местности во всех областях жизни общества. Одной из задач, которую были призваны решить новые учреждения, являлась забота о «народном здравии».

Земцы поначалу ассигновали весьма скромные средства на медицину, покрывая расходы процентами с капиталов бывших приказов общественного призрения. [1]

В переходный период с 1865-1875 гг. ситуация не смогла поменяться кардинально. В губернии, как и по всей стране, не было четких инструкций